

УДК 94(470.6)"1941/1945"-053.2

МИР ДЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

И. В. Реброва

Берлинский технический университет, 10587, Берлин, Эрнст-Ройтер платц (площадь), 7
irina_rebrova@hotmail.com

Предпринята попытка реконструкции опыта повседневной жизни детей и подростков на временно оккупированных территориях Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Основным источником исследования явились устные интервью с «детьми войны», проведенные в 2008–2009 гг. в Краснодарском и Ставропольском краях. Судя по ним, ребенок в экстремальной ситуации войны и оккупации оставался ребенком, хотя менялись игры, сокращалось время, проведенное на улице без присмотра взрослых, появлялись чувство заботы о членах семьи и некоторая «взрослость» при поисках пищи и средств к существованию.

Ключевые слова: Оккупация, Северный Кавказ, «дети войны», военная повседневность, семья, образ врага.

В последнее время «дети войны» как поколение становятся объектом все большего внимания со стороны исследователей Великой Отечественной войны. Сейчас они все чаще выступают как последние свидетели, которые еще могут описать свой военный опыт в воспоминаниях, интервью и рассказах. Эти сведения, как правило, мало информативны для воссоздания фактической истории войны. Однако они очень ценны для реконструкции военной повседневности, семейного быта и локальной истории.

После вторжения войск нацистской Германии на территорию СССР в июне 1941 г. зона оккупации расширялась, включая все новые области. Захват Северного Кавказа занимал особое место в стратегических планах нацистского руководства и связывался с контролем над кавказской нефтью и выходом к Черному морю. Бои за Кавказ между рекой Дон и предгорьями Северного Кавказа шли с июля 1942 по октябрь 1943 г. Осенью 1942 г. немецкие войска заняли большую часть Северного Кавказа.

Оккупация районов Северного Кавказа произошла сравнительно поздно и была относительно недолгой, от нескольких недель до одного года. Это повлияло на характер оккупационной политики. Местные комендатуры в населенных пунктах Ставрополя и Краснодарского края, Карачаевской, Черкесской, Адыгейской областей, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии создавались штабами действующих частей вермахта. Районные и городские комендатуры возглавляли офицеры Третьего рейха. Оккупационные власти рассчитывали сделать именно Северо-Кавказский регион с его многонациональным населением, богатыми продовольственными и сырьевыми ресурсами и уникальной природой своеобразным эталоном гитлеровского «нового порядка» на захваченных советских территориях. Кавказ должен был демонстрировать преимущества нацистской идеологии и немецкого образа жизни перед идеологией марксизма-ленинизма и политикой советской власти [Линец, 2003, с. 286].

Население захваченных территорий вынуждено было приспособливаться к жизни в условиях оккупации. Положение осложнялось близостью фронта и продолжавшейся партизанской войной. Дети также должны были привыкать к изменившимся условиям семейной и общественной жизни. Часто подросткам приходилось заботиться о младших членах семьи и помогать старшим в поисках пищи. Тем не менее дети продолжали оставаться детьми и в минуты свободного времени предавались обычным детским занятиям и играм.

Впоследствии для многих представителей поколения «детей войны» их военное детство стало ключевым периодом всей жизни. Отношение к войне формировалось уже в послевоенные годы под влиянием СМИ, кинообразов и героев литературных произведений. Таким образом, культурная память о Великой Отечественной войне наслаивалась на индивидуальный опыт выживания детей в условиях оккупации. Как указывал Х. Вельцер, «воспоминания о важнейших исторических событиях представляют собой своего рода коллажи, которые формируются из множества источников, подвергаются изменениям при коммуникации, но сохраняют свою эмоциональную значимость»

[Вельцер, 2005, с. 31]. Так как в официальном советском дискурсе господствовали сюжеты о героических подвигах юных комсомольцев и пионеров и их роли в борьбе с врагом, коммуникативная память детей о повседневной жизни во время оккупации не была востребована и осталась «умалчиваемой историей» (silent history). Рассказы «детей войны» о своем «негероическом» опыте на протяжении десятилетий не были включены в общественный дискурс о войне. Однако сейчас устные истории могут помочь восстановить картину повседневной жизни людей в оккупации, способы их взаимодействия с оккупационной армией, а также воссоздать колорит провинциальных городов и деревень довоенного и военного времени.

Как показывает реконструкция детской повседневности, основные сюжеты жизни детей привязаны к ежедневным бытовым практикам. Жизнь в оккупации не становится исключением. В ходе приспособления к экстремальным условиям военного времени повседневность постепенно нормализовалась, вырабатывались новые бытовые практики. Именно об этой повседневности рассказывают большинство «детей войны». Подчеркивая важность периода войны для своей жизни, люди, родившиеся в 1930-е гг., в своих историях о военном прошлом часто обращаются к сюжетам о страданиях, скитаниях и постоянной борьбе за выживание. Латентный слой нарратива дает возможность изучить повседневный мир военного детства, увидеть за практиками выживания и приспособления к военным условиям бытовую повседневность.

Изучение повседневности предполагает взгляд со стороны. Как показывает М. де Серто, для исследования, например, городского пространства можно использовать пространственную дистанцию: «Тот, кто оказывается наверху, оставляет позади массу, которая уносит и перемешивает внутри себя любые идентичности авторов или зрителей» [Certeau, 1984, с. 103]. В нашем случае использование временной дистанции позволяет реконструировать повседневные практики жизни в оккупации на основе устных историй.

Анализируемые интервью с «детьми войны» проводились в 2008–2009 гг. в Краснодарском и Ставропольском краях¹. Детские воспоминания о войне в интерпретации взрослых – это многослойный текст, в котором на оставшиеся в памяти реальные образы наслаиваются заимствованные воспоминания и многочисленные культурные репрезентации (см.: [Безрогов, 2001; Сальникова, 2004]). Как правило, человек встраивает чужие воспоминания или их интерпретацию в собственную память тогда, когда они кардинально не отличаются от его собственного опыта и соответствуют «эмоциональному фоновому ощущению», связанному с тем временем [Вельцер, 2005, с. 30]. «Дети войны» порой апеллируют к послевоенному взгляду на события и встраивают в рассказ идеологические штампы, чтобы выглядеть, с их точки зрения, более убедительными в глазах интервьюера.

На рассказы наложили печать также пол, социальная и профессиональная принадлежность информантов. Если женские воспоминания обычно более эмоциональны, открыты и рефлексивны, чем мужские [Пушкарева, 2001, с. 241–274], то в детских воспоминаниях, на наш взгляд, гендерная перспектива все же менее важна и различима. Рассказы большинства детей о войне – это, как правило, эмоциональное повествование об одном или нескольких наиболее ярких событиях прошлого, которые неотрефлексированно осели в памяти рассказчиков на долгие годы. Поэтому при отборе информантов мы специально не выделяли их пол. Главным критерием был возраст, в котором они пережили период оккупации, а именно 7–15 лет.

Исследование практик выживания детей в оккупации как важного среза жизни советского общества в период войны помогает изучить вызванный войной «слом повседневности» [Козлова, 1986, с. 14]. Существуют десятки монографий и сборников статей, посвященных военной повседневности на фронте и в тылу, в оккупации и в партизанских отрядах [Военно-историческая антропология, 2006; Сенявская, 2002; Кринко, 2009], но ежедневные практики детей эпохи войны изучены в гораздо меньшей мере. Хотя в последнее время появляются публикации источников, включающих дневники подростков, воспоминания и транскрипции интервью [Жизнь в оккупации..., 1999; Оккупированное детство..., 2010; Война глазами детей..., 2011], они не позволяют заполнить лауну в интерпретации имеющихся материалов (Попытки интерпретации источников о военном детстве на Северном Кавказе см., например: [Вторая мировая война..., 2010; Стрекалова, 2009; Буряк, Реброва, 2011]). В данной статье устные интервью с «детьми войны» использованы, чтобы восстановить и проанализировать повседневные практики детей и подростков в период оккупации Северного Кавказа.

Экономика семьи и «недетские» заботы о пропитании

Устные воспоминания о военном детстве отражают зависимость детей от других людей, и прежде всего от своего ближайшего окружения – семьи. Они наполнены описаниями взаимоотношений с членами семьи, а также с соседями, сверстниками, друзьями и врагами. Но в отличие от мирного времени, когда основные бытовые заботы лежали на плечах взрослых, теперь детям часто приходилось самим заботиться о пропитании себя и своей семьи. В годы войны многие семьи остались без отца, и старшие дети-мальчики брали на себя заботу об обеспечении семьи продовольствием. Если в семье мальчиков не было, то работать шли, как правило, старшие девочки. «Дети войны» описывают помощь семье как важный этап их взросления:

«Мне было 11-12 лет, но возила, потому что надо было спасти семью, голодные были, есть нечего. Тогда возили все, барахло возили, меняли. <...> Повезу, продам, оттуда наберу масла постного, мучички, а у меня какая сила, я по два пуда возила. Нас с поездов снимали, через всю степь идем на другую до станции. Вот так я спасала семью свою, когда мне было учиться и гулять? Вот такая моя жизнь и детство» [Интервью со Строкун Г.Н.].

Обеспечение минимальным пропитанием членов семьи становилось едва ли не главным занятием детей и подростков в период оккупации. Порой дети могли достать еду там, где взрослым это сделать было невозможно:

«Я ходила в детский сад [до оккупации] как раз, и потом там немецкая часть стояла. Была кухня немецкая, и у самых ворот стояли эти огромные чаны. Они выбрасывали туда все. Ну, вот, чистят все и выбрасывают туда. И мы [дети] с ведерками, вся малышня значит туда, все выбираем, выбираем в эти ведерки свои. Вывозить [отходы] им [немцам] не приходилось. И вот, помню, однажды мы пришли, а там целая куча банок с чечевицей. Значит, некоторые открыты, а некоторые закрытые банки. Ну, видимо, или срок истек у них, либо оказались негодные. Мы же эти банки моментально схватили, притащили домой. Вы знаете, никто не отравился, ничего, съели» [Интервью с Оленской Г.С.].

Если в мирное время дети могли помогать старшим в товарообмене, в добывании еды и заготовке топлива, то с началом оккупации они порой полностью заменяли в этом деле взрослых. В то же время они могли вполне по-детски превращать поиски еды и средств для выживания в своеобразную игру, в приключение:

«Немецкая часть стояла, вот это помню, ходили по железной дороге, собирали, когда, вот, выбрасывают из топок золу, они выбрасывают, да, не собирают, а из котла выбрасывают, вот так же – несгоревший уголь, и вот мы по дорогам ходили, по железной дороге и собирали, и находили вот такие кусочечки угля [показывает. – И.Р.] для топки. Бабушка делала из этого угля, из смеси, значит. Собирали навоз коровий, лошадиный и потом вот этот мелкий уголь вместе вот так вот лепили, потом сушили на чердаке и топили – смесь этого угля и смесь, ну навоз этот, оно, значит, просыхает – и топили» [Интервью с Коваленко В.М.].

Важно, что собирать уголь, как и просроченные банки с чечевицей дети ходили сообща, маленьким коллективом, как бы «наперегонки» выполняя очередное «задание». Таким образом, повседневная забота о пропитании становилась формой развлечения детей, хотя и не всегда безопасной.

Некоторые дети из городской среды в светлое время суток ходили подрабатывать. Чаще всего их работа заключалась в чистке обуви за деньги или за еду: «Ну, чем мы занимались, ну чистили, ходили на базар, продавали воду» [Интервью с Коваленко В.М.]. Информант вспоминает, как однажды ему с братом пришлось вычистить несколько пар обуви немецким солдатам и офицерам:

«У нас с братом разделение было, он, значит, крем мажет, а я уже бархатом навожу блеск, только заплатит или не заплатит [за работу]? Не столько работы, а сколько ваксы ушло, ее же надо покупать, нужно заработать на ваксу. Заплатит – не заплатит, он принимает каждую пару, возьмет, вот так его почистит. Солдаты не говорили по-русски. Все сначала офицерские почистили, потом его там ботинки, сапоги, почистили, и он ушел, сидим и ждем. Ну, вот, уже по шее дал бы и все, ну не знаю, а то нет, ушел и он выносит, такой вот мешочек, такой, ну обычный тряпичный и дает. Мы как глянули, а там сухари, ну объедки, видно, что объедки сушеные. Ой, господи! Бегом домой. Вот, извините, пожалуйста, просто это сцена для меня такая [расстроился, слезы на глазах. – И.Р.]. Прибегаем, это наше счастье, счастье! Нельзя передать, описать словами, мы такие счастливые, мама выходит, на порог вышла, мы ей даем, значит, этот мешочек, а она села и заплакала. Попро-

буйте заработать столько, чтобы мама заплакала, не знаю от чего: от радости, от горя!» [Интервью с Коваленко В.М.].

Слезы матери, ставшие для информанта кульминацией его с братом приключения, он запомнил на всю жизнь.

Совместные поиски пропитания заменяли детям приключения и игры, многие из которых стали невозможны в военное время. Свободу пребывания детей на улице ограничивали оккупационная администрация, которая ввела «комендантский час», и родители детей, опасавшиеся за их жизнь. Коллективный поход за едой и мелкий «семейный бизнес» становились теми повседневными практиками, которые могли быть доступны «детям войны». Интересно, что информанты редко говорили о том, что они постоянно находились дома или что их сознательно укрывали взрослые в чуланах или подвалах. Как правило, об этом рассказывали молодые девушки, которых родители пытались уберечь от насилия со стороны германских солдат. Дети более юного возраста могли проводить значительное время за пределами дома, принося пользу семье.

Времяпровождение детей в оккупации: в кругу друзей

Несмотря на бытовые заботы и ограничения в перемещении, дети продолжали собираться вместе, чтобы сообща поиграть. Однако игры и игрушки их соответствовали военному времени: «Пацаны тряпичный мяч гоняли. Всякие тряпки, чулки были старые. Мы их как-то сшивали, связывали. Игр очень много было у детворы» [Интервью с Науменко М.П.]. Когда не хватало игрушек или спортивного инвентаря, на помощь приходила смекалка и изобретательность. Одна информантка вспоминала:

«Ну вот о бомбежках... И когда они [бомбы] падали, прямо из окон пылало пламя, мы хотели ходить смотреть, но на улицу нас не пускала мама в это время. А из окон мы глазели на это все, а потом бегали в разрушенное здание <...> и собирали там обгоревшие остатки противогазов и такие интересные банки, там уголь, наверное, был внутри, ну я не знаю, что-то черное, какие-то такие гранулы черные, ну и, конечно, мы все это собирали. Игнали, хоть нам и запрещено было, потому что могли и неразорвавшиеся остаться части снаряда» [Интервью с Манохиной И.Б.].

Что делали дети с найденными трофеями, информантка не уточняет. Видимо, игра состояла прежде всего в поиске баночек и осколков, в возможности убежать от мамы, провести некоторое время вместе с друзьями.

Примечательно, что информанты, рассказывая об отношениях со своими сверстниками и друзьями во время войны и оккупации, редко называют их общение игрой: «Какие-то дела были, это не были какие-то развлечения, это потом, значит, послевоенные игры уже там казаки-разбойники <...> мы были все в движении, все у нас было: и конями дрались, все это игры были, край на край, это были игры» [Интервью с Коваленко В.М.]. На прямой вопрос о детских забавах во время войны информант ответил, почти не задумываясь, что игр у них не было, что игры появляются после войны. Тем не менее в риторике повествования присутствует упоминание о развлечениях в годы войны: «Мы ели все, мы перепробовали все, что только можно было: воробьев, лягушек, ворон, устриц, – все мы перепробовали, все мы ели и с голоду, и ради любопытства» [Интервью с Коваленко В.М.]. Хотя именно голод вынуждал детей убивать птиц, информант подчеркивает, что делали они это и «ради любопытства». Как и всякую игру, их действия побуждал интерес участников.

Другие информанты также часто, хотя и не напрямую, упоминают об играх. Транслируя в своих воспоминаниях о военном детстве официальный дискурс о лишениях и скитаниях, выпавших на их долю в годы войны, информанты нередко оказываются поставлены в тупик вопросом об играх. Рассказы об играх кажутся им несоответствующими времени «суровых испытаний». Однако из многих воспоминаний следует, что в периоды, свободные от поиска пропитания и работы, они «с ребятами, с друзьями на улице играли, гуляли, бегали от зари до зари» [Интервью с Коваленко В.М.]. Так как во время оккупации школы были закрыты, подростки иногда довольно значительное время проводили на улице. Как признаются многие информанты, в основном мужчины, они «собирались, курили [смеется. – И.Р.], шумели, дрались, ну, это как обычно» [Интервью с Матрашиловым Г.С.]. Дети адаптировались к новым условиям, и постепенно жизнь в оккупации становилось более обыденной. Им позволялось чаще выходить на улицу, и они, хотя бы отчасти, возвращались к обычному в их представлениях свободному времяпровождению.

Взаимодействие с оккупантами: страх и ненависть, любопытство и благодарность

Воспоминания «детей войны» показывают, что оккупация привела к значительному изменению повседневных практик гражданского населения. Большую часть светового дня дети занимались поиском пропитания, работали, помогали старшим по хозяйству. Однако постепенно происходила «нормализация» новых условий жизни. Приспособившись к правилам жизни при «новом порядке», дети опять смогли отводить время играм. Однако уличные игры сопровождались постоянным страхом встречи с оккупационными властями. В частном пространстве своего жилища дети также не были свободны, поскольку солдаты оккупационных войск обычно квартировали в домах местного населения. Намеренное или случайное взаимодействие с новой властью становилось частью повседневных практик «детей войны».

Многие информанты вспоминают, что оккупанты вызывали у них прежде всего страх: «Когда немцы зашли все ж в касках, на мотоциклах, мы такого не видели никогда, они страшные, носы большие у них» [Интервью с Кирякиной (Нечепуренко) З.Ф.]. Детская память под влиянием пережитого страха надолго сохранила утрированно негативное описание оккупантов. Информанты редко описывают конкретного врага. Как правило, враг предстает в устных историях в виде собирательного персонажа, наделенного устоявшимися в советской пропаганде чертами. Эмоциональный портрет врага нередко складывался в сознании ребенка задолго до появления самих немцев под воздействием общественной пропаганды и разговоров в семье:

«... Один интересный эпизод. Это для меня, знаете, как олицетворение, может, войны или смерти, или, скорее даже, смерти. Ну уже, немцы в [станции. – И.Р.] Пашковке², ну мы что-то с братом полезли поиграть вот в эту траншею, просто так, и вдруг слышим мамин голос вдалеке, в конце огорода. Мама что-то кричит, не помню что, но голос такой какой-то необыкновенный, мы оттуда выглядываем, из траншеи, и два немца с автоматами вот так подходят. Ну хорошо я помню это слово “партизаны”. Ну где мы, сопляки, там. Выглядываем оттуда. Мама, мама, она немножко училась немецкому в институте, но потом она, к сожалению, по болезни, но немножко она немецкий язык, так с 5-го на 10-ый, знала что-то кричала, что-то объясняла, значит, и вот, то, что я увидел, когда вот этого немца, и немец какой-то на стороне стоит, а вот такой подносит к моим глазам дуло, оно же такусинькое, светло-серого цвета колечко и посередине черное, вот оно у меня перед глазами и сейчас. Оно оказалось на весь мир, это дуло, потому что я немца-то, я увидел в обыкновенной полевой форме, немец, хорошо помню, что рукава у него были короткие, то ли закатанные, то ли рубашки такие были. Мы видели с братом, они с двух сторон так подошли, прострелили автоматами между траншейками, заглянули и ушли. Так я видел немцев» [Интервью с Коваленко В.М.].

Страх вынуждал детей быть более осмотрительными. Они чаще следовали наставлениям взрослых. Женщины, пережившие войну девочками-подростками, часто вспоминают, что боялись того, что оккупанты могли над ними надругаться. По этой причине родители нередко не выпускали девушек из дома, прятали их по подвалам, специально мазали лица сажей и одевали в лохмотья. Но все же и они, порой, выбирались из дома:

«Ну, ходили, конечно, но боялись. Мы ж были подростками, зимой на лед [у нас тут близко Карасун³], выскочили, вышли играть девчонки, а страшно было, бомбили, снаряды падают, страшно было ходить, война была. И мы по льду гуляем, слышим, немцы бегут, мы убежать, а там недалеко дома были, там подружка жила. Мы туда, они одну догнали, ремнём били. А мы побегали, побежали к той, к дому, у неё там бочка большая, под бочку залезли, а другая девчонка пошла, зная, где она живёт, и там огорожено было колючей проволокой, она знает, где там надо идти, а немцы за ней, и они на эту проволоку натываются, злятся, ругаются. Гоняли. Было, что били нас, но не до смерти, живые» [Интервью со Строкун Г.Н.].

В устных историях об оккупации Северного Кавказа нередко немцы противопоставлены их союзникам. В воспоминаниях «детей войны» в качестве самого страшного «врага» часто выступают не немцы, а румыны, которых, по свидетельствам респондентов, отличало более жестокое и грабительское отношение к мирному населению. На долгие годы в памяти информантов отложилась национальная принадлежность врагов. Возможно, на низовом уровне методы управления и политика оккупации у немцев и румын действительно значительно различались:

«И когда шли немцы по мостовой были тогда такие звуки, как цок–цок–цок. А когда румыны шли, их все боялись. Когда румынские солдаты пели, все забегали в калитки, выйдем посмотреть и забегали назад, потому что румыны зверствовали, немцы не так зверствовали, как румыны. Нико-

гда не слышно было, чтобы немец на улице кого-то застрелил, а вот румыны стреляли» [Интервью с Манохиной И.Б.].

Другая информантка констатирует: «Когда началось наступление, пришли румыны. У них были черные шинели, черная каска и череп нарисованный. Они если проходили, они и детей в колдцы кидали, и стариков расстреливали, и всех... Это были румыны. Вот, но они как-то быстро ушли от нас» [Интервью со Свицерской Е.Н.].

Враг представлялся как апеллятивный фактор, мобилизующий всех членов сообщества к солидарности и сплочению вокруг власти или группового авторитета, который гарантирует безопасность [Гудков, 2005, с. 15]. Поэтому в воспоминаниях «детей войны» большое внимание отводится освобождению их города или села от оккупантов. Радость встречи освободителей в устных воспоминаниях выражается в абсолютных категориях как победа добра над злом.

Тем не менее не все оккупанты в риторике «детей войны» могут быть классифицированы как потенциальные враги, внушающие страх. Некоторые немцы, жившие в домах мирных жителей, помогали им продовольствием и хозяйственными товарами, бывшими в цене, особенно в сельской местности. Своей принципиальной инаковостью такие немцы вызывали не столько отчуждение и страх, сколько заинтересованность [Дубоссарская, 2008, с. 170]. В воспоминаниях «детей войны» можно встретить широкий спектр чувств по отношению к оккупантам. Одних, «злых», никогда они не воспринимали как в полном смысле слова человеческие существа, на которых распространяются нормальные законы человеческого общежития. Другие же, «добрые», в рассказах наделены человеческими чертами, они имеют имя. В риторике повествования присутствуют нотки ностальгии и благодарности, упоминаются оккупанты, которые помогали семье выжить.

Нередки были случаи, когда оккупанты угощали детей сладостями. Многие дети боялись и не брали еду, а если все же брали, то редко ее съедали, так как боялись быть отравленными. Информанты вспоминают и такие случаи взаимодействия с солдатами оккупационных частей. Угощая детей, немец, живший в доме информанта, однажды сказал их матери: «Не бойся» – и показывает: «нет, пан хороший, пан не тронет» [детей. – И.Р.]. Показывает: у меня своих трое» [Интервью с Кирякиной (Нечепуренко) З.Ф.]. Госкуя по своей семье и детям, некоторые военнослужащие оккупационных армий проявляли человеческие чувства к «детям войны». Поэтому некоторые «дети войны» сохранили амбивалентный образ врага в своем сознании, например, в следующем случае:

«У соседей жил офицер, у него отец был капиталист, а наш Ганс у него работал шофером. Он был коммунист и говорил, что никогда не воевал и ни одного человека не убил. Он был громадный, рост его был метра два, у него еще была машина, которая потом поломалась. Во время войны было безвластие, никого не было. Везли то, что осталось на полях. Мальчишки возили свеклу, он останавливал их, варил мед и приносил вечером. Приносил вечером и ставил примус. У нас была вагранка (такая маленькая чугунок), и мы ею топили, потому что топить нечем было. Умывался, мылся, угощал нас медом, приносил хлеб, который был 1938 года печенный, у них тогда уже был целлофан, доставал свои фотографии. У него было две дочки и жена, также была дача. Он смотрел фотографии и плакал, плохо говорил по-русски. Он говорил: «Зачем война, пух Сталин, пух Гитлер, и Ганс пошел домой». С этим офицером мы часто сражались на шпагах, тогда были подсолнухи [из которых делали шпаги]. Он был веселый, жизнерадостный человек, хороший молодой мужчина. Спал он во второй комнате, которая не отапливалась. Он нас подкармливал, хороший был человек» [Интервью с Науменко М.П.].

Информант называет Ганса «нашим», подчеркивая, что он помогал семье выживать, играл с детьми, потому что на родине у него осталась своя семья.

Другой пример помощи немцев семье можно найти в интервью с И.Б. Манохиной:

«Ну в войну, конечно, электричества у нас не было, спичек тоже не было. А у немцев были лампы керосиновые в комнате, у нас было много комнат, и самая большая была выделена немцами из нашего дома для офицера. Однажды был случай, я забежала в большую комнату, когда немцы там еще устраивались, а денщик или шофер вешал мундир офицера. Я говорю: "Ой, у нас тоже такой мундир был". А он говорит: – "У кого?" – "У моего папы". Вытаскиваю фотографии, а семьи старших офицеров подлежали расстрелу, сначала коммунисты, евреи и потом семьи контрразведчиков и старших офицеров, и показываю, значит, фотографии. А фотографии лежали в чемоданчике маленьком под кроватью у нас, и показала ему. Он, значит, маму вызвал вечером и говорит: "Хозяйка, спрячь, потому что девочка вот такое сделала". Ну мама, конечно же, фотографии в этом че-

моданчике вместе с письмами с фронта закопала в саду, часть погибла, часть осталась» [Интервью с Манохиной И.Б.].

Поведение немецкого военнослужащего, который жил в семье информантки, выходит за рамки обычного представления о враге. Для семьи он стал помощником: его и боялись, и благодарили одновременно.

О «добрых» немцах сообщали и другие свидетели:

«Есть и добрые, вот и немцы были ... когда мама родила братика <...> и купать мама маленького собралась, а купать мыла нету, она в тряпочку золы с подсолнуха набрала, процедила – это водичка вроде как мыльная. Вот она купала. Вот заходит немец один, один говорит: мамка, а там пух-пах война, она – да, нехорошо, война. Сталин и Гитлер не померились два вождя, а мы все страдаем. И принес мне кусок [мыла], на, мамка. Вот это один немец, а то подзатыльник раньше давали» [Интервью со Строкун Г.Н.].

Информантка не называет немца, принесшего кусок мыла по имени, но противопоставляет его одного всем остальным оккупантам, которые давали ей подзатыльники. Ожидать помощи от оккупантов казалось неестественным для ребенка. Эпизод с мылом осел в памяти рассказчицы в силу его нестандартности.

С началом войны взрослое мужское население городов и деревень ушло на фронт. Дома оставались старики и женщины с детьми. Угроза в лице оккупантов часто способствовала как консолидации, так и распаду семьи. По-разному строилась «жизнь с врагом» у разных людей. Отношения с оккупантами различались также в зависимости от того, жил ли информант в городе или в селе. Враг был персонифицированным, видимым ежедневно, в сельской местности, и более деперсонифицированным, проявлявшимся преимущественно в приказах и организации публичных казней, в условиях города.

Война и оккупация радикально изменили традиционные роли членов семьи. Зачастую главой семьи становились старшие дети – главные добытчики пропитания для всей семьи. «Дети войны» демонстрировали различные практики адаптации и жизни рядом с врагом. Отношения взрослых членов семьи с оккупантами варьировались от страха, ненависти до заискивания, преклонения и любви; от активных и пассивных форм сопротивления, подпольной деятельности и мести до сознательного выбора в пользу жизни с врагом, взаимодействия с новым режимом и новыми людьми. Причинами тому были взрослая рациональность и воздействие официальной пропаганды или собственных чувств и убеждений. Ребенок же в любых условиях оставался прежде всего ребенком, человеком, который не совсем еще научился рефлексировать. Это непосредственное восприятие событий явственно проступает в рассказах «детей войны» через идейные напластования послевоенной эпохи. Парадоксальным может выглядеть то, что, по рассказам информантов, детская военная повседневность в условиях оккупации некоторыми чертами не слишком разительно отличалась от мирного времени. Менялись игры, сокращалось время, проведенное на улице без присмотра взрослых, появлялись чувство заботы о членах семьи и некоторая «взрослость» при поисках пищи и средств к существованию. Тем не менее законы военного времени и оккупационный режим, как показывают интервью, не могли воспрепятствовать тому, что дети хотя бы на какое-то время оставались просто детьми.

Примечания

¹ Всего было получено более 50 устных интервью в рамках работы над проектом РГНФ. В Ставропольском крае брала интервью Е.Н. Стрекалова, в Краснодарском крае и республике Адыгея – И.В. Реброва. Эти воспоминания до настоящего времени не были опубликованы и представляют собой уникальные свидетельства о детстве информантов, пришедшемся на время войны и оккупации.

² Простонародное название станции Пашковской Краснодарского края.

³ Речка Карасун (сейчас цепь Карасунских озер), расположенная на территории г. Краснодара.

Список источников

Интервью с Кирякиной (Нечепуренко) З.Ф. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-08. Д. ИР10]. Информантка родилась в 1936 г. в Воронежской области. Интервью проходило дома у информантки, с. Красносельское Краснодарского края, 11.10.2008 г. Общая продолжительность интервью 42 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – Е. Украинец.

- Интервью с Коваленко В.М. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-08. Д. ИР02]. Информант родился в 1937 г. в г. Анапе, имеет высшее образование. Интервью проходило в историко-археологическом музее-заповеднике им. Фелицына, г. Краснодар 21.05.2008 г. Общая продолжительность интервью 162 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – Н. Нищенко, Е. Окунь.
- Интервью с Манохиной И.Б. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-09. Д. ИР11]. Информантка родилась в 1938 г. в г. Майкопе. Интервью проходило в историко-археологическом музее-заповеднике им. Фелицына, г. Краснодар, 14.08.2009 г. Общая продолжительность интервью 97 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – Я. Шепелева.
- Интервью с Матрашиловым Г.С. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-09. Д. ИР13]. Информант родился в 1927 г. в Новосибирской области. Интервью проходило в квартире информанта, ст. Выселки Краснодарского края, 29.08.2009 г. Общая продолжительность интервью 52 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – К. Панасюк.
- Интервью с Науменко М.П. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-09. Д. ИР15]. Информант родился в 1934 г. в ст. Выселки Краснодарского края. Интервью проходило дома у информанта, ст. Выселки, 16.09.2009 г. Общая продолжительность интервью 25 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – А. Селезнева.
- Интервью с Оленской Г.С. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-08. Д. ИР06]. Информантка родилась в 1934 г. в г. Краснодаре, имеет высшее образование. Интервью проходило в квартире информантки, 13.06.2008 г. Общая продолжительность интервью 108 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – Н. Нищенко, Е. Окунь.
- Интервью со Свидаерской Е.Н. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-09. Д. ИР09]. Информантка родилась в 1933 г. в УССР, имеет высшее образование. Интервью проходило дома у информантки, г. Абинск, 11.04.2009 г. Общая продолжительность интервью 45 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – И.В. Юрчук.
- Интервью со Строкун Г.Н. // Личный архив И.В. Ребровой, интервью [Ф. ДВ-08. Д. ИР01]. Информантка родилась в 1928 г. в ст. Пашковской Краснодарского края, имеет начальное образование. Интервью проходило в доме информантки, 08.05.2008. Общая продолжительность интервью 62 мин.; интервьюер – И.В. Реброва, транскрипция – Н. Нищенко, Е. Окунь.

Библиографический список

- Certeau M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley, 1984.
- Безрогов В.Г.* Воспоминания как источник по истории детства // Педагогическая антропология и история детства. М., 2001.
- Буряк И.И., Реброва И.В.* В концлагерях, во время блокады и оккупации: военное детство сегодняшних кубанцев в их воспоминаниях // Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: сб. науч. ст. / ред. И.В. Реброва. Краснодар, 2011.
- Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
- Военно-историческая антропология. Актуальные проблемы изучения: ежегодник. 2005/2006 / отв. ред. Е.С.Сенявская. М., 2006.
- Война глазами детей: свидетельства очевидцев / сост. Н.К. Петрова. М., 2011.
- Вторая мировая война в детских «рамках памяти»: сб. науч. ст. / ред. А.Ю. Рожков. Краснодар, 2010.
- Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков. М., 2005.
- Дубоссарская М.Л.* Свой-чужой-другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. № 54.
- Жизнь в оккупации: Пушкин. Гатчина. Эстония: Дневник Люси Хордикайнен / публ. С.П. Нуриджанова. СПб., 1999.
- Козлова Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1986.
- Кринко Е.Ф.* Повседневность как научная категория и ее возможности в осмыслении советской истории // Тр. Южного науч. центра РАН. Т. 5: Соц. и гуманитар. науки. Ростов н/Д, 2009.
- Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: Состояние и

- особенности развития, июль 1942 – октябрь 1943 г.: дис. ... докт. ист. наук. Пятигорск, 2003.
- Оккупированное детство: Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / сост. П. Полян, Н. Поболь. М., 2010.
- Пушкарева Н.Л.* «Пишите себя!» (гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001.
- Сальникова А.А.* «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в 20 столетии: сб. ст. Челябинск, 2004.
- Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отеч. история. 2002. № 4.
- Стрекалова Е.Н.* «То, что запомнили мои детские глаза...»: события Великой Отечественной войны в памяти детей фронтового поколения // Вторая мировая война в памяти поколений: сб. науч. ст. / ред. И.В. Реброва, Н.А. Чугунцова. Краснодар, 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.02.2014

WORLD OF CHILDREN'S DAILY LIFE DURING THE OCCUPATION OF THE NORTH CAUCASUS

I. V. Rebrova

Technical University of Berlin, Ernst-Reuter-Platz 7, 10587, Berlin, Germany
irina_rebrova@hotmail.com

The paper is devoted to the reconstruction of the experience of children and adolescents' daily life in the temporarily occupied zones of the North Caucasus during the Great Patriotic War. Oral interviews with the "children of war" carried out in 2008-2009 in Krasnodar and Stavropol regions became the main sources for the study. According to the stories members of families and friends played the main role in children's lives. The ambivalent image of the enemy is also presented in the narrations. The interviews reveal that a child remained to be a child even in extreme situations, such as war or occupation period. The games changed; the time, spent outside home without adults, was greatly decreased; feeling of care for family members appeared. However, the laws of war and occupation regime, as it was presented in the analyzed interviews, could not prevent the fact that children, at least for a time, were just kids.

Key words: occupied zones, the Northern Caucasus, children of war, daily life, family, image of the enemy.

References

- Interv'yu s Kiryakinoy (Nechepurenko) Z.F. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-08. D. IR10].
- Interv'yu s Kovalenko V.M. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-08. D. IR02].
- Interv'yu s Manokhinoy I.B. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-09. D. IR11].
- Interv'yu s Matrashilovym G.S. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-09. D. IR13].
- Interv'yu s Naumenko M.P. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-09. D. IR15].
- Interv'yu s Olensky G.S. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-08. D. IR06].
- Interv'yu so Sviderskoy E.N. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-09. D. IR09].
- Interv'yu so Strokun G.N. // Lichnyy arkhiv I.V. Rebrovoy, interv'yu [F. DV-08. D. IR01].
- Cherteayyu M. de.* The Practice of Everyday Life. Berkeley, 1984.
- Bezrogov V.G.* Vospominaniya kak istochnik po istorii detstva // Pedagogicheskaya antropologiya i istoriya detstva. M., 2001.
- Buryak I.I., Rebrova I.V.* V kontslageryakh, vo vremya blokady i okkupatsii: voennoe detstvo segodnyashnikh kubantsev v ikh vospominaniyakh // Yug Rossii v Velikoy Otechestvennoy voyne: tropy pamyati: sb. nauch. st. / red. I.V. Rebrova. Krasnodar, 2011.
- Vel'tser Kh.* Istoriya, pamyat' i sovremennost' proshlogo. Pamyat' kak arena politicheskoy bor'by // Neprikosnovenny zapas. 2005. № 2–3.
- Voенно-istoricheskaya antropologiya. Aktual'nye problemy izucheniya: ezhegodnik. 2005/2006 / otv. red. E.S.Senyavskaya. M., 2006.
- Voyna glazami detey: svidetel'stva ochevidtsev / sost. N.K. Petrova. M., 2011.
- Vtoraya mirovaya vojna v detskikh «ramkakh pamyati»: sb. nauch. st. / red. A.Yu. Rozhkov. Krasnodar, 2010.
- Gudkov L.* Ideologema «vraga»: «Vragi» kak massovyiy sindrom i mekhanizm sotsiokul'turnoy integratsii // Obraz vraga / sost. L. Gudkov. M., 2005.
- Dubossarskaya M.L.* Svoy-chuzhoy-dругoy: k postanovke problemy // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 54.
- Zhizn' v okkupatsii: Pushkin. Gatchina. Estoniya: Dnevnik Lyusi Khordikaynen / publ. S.P. Nuridzhanova. SPb.,

1999.

Kozlova N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoy epokhi: golosa iz khora. M., 1986.

Krinko E.F. Povsednevnost' kak nauchnaya kategoriya i ee vozmozhnosti v osmyslenii sovetskoy istorii // Tr. Yuzhnogo nauch. tsentra RAN. T. 5: Sots. i gumanit. nauki. Rostov n/D, 2009.

Linets S.I. Severnyy Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoy okkupatsii: Sostoyanie i osobennosti razvitiya, iyul' 1942 – oktyabr' 1943 g.: dis. ... d.i.n.. Pyatigorsk, 2003.

Okkupirovannoe detstvo: Vospominaniya tekhn, kto v gody voyny eshche ne umel pisat' / sost. P. Polyana, N. Pobol'. M., 2010.

Pushkareva N.L. «Pishite sebya!» (gendernye osobennosti pis'ma i chteniya) // Sotvorenie istorii. Chelovek. Pamyat'. Tekst. Kazan', 2001.

Sal'nikova A.A. «Detskiy» tekst i detskaya pamyat' v «epokhu katastrof» // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v 20 stoletii: sb. st. Chelyabinsk, 2004.

Senyavskaya E.S. Voенно-istoricheskaya antropologiya – novaya otrasl' istoricheskoy nauki // Otech. istoriya. 2002. № 4.

Strekalova E.N. «To, chto zapomnili moi detskie glaza...»: sobytiya Velikoy Otechestvennoy voyny v pamyati detey frontovogo pokoleniya // Vtoraya mirovaya voyna v pamyati pokoleniy: sb. nauch. st. / red. I.V. Rebrova, N.A. Chuguntsova. Krasnodar, 2009.